

Два лыжника шли по просеке. Двигались они быстро – один за другим. Широкие лыжи, подбитые оленьим мехом, споро скользили по замёрзшему насту. Одеты они были в тёплые меховые куртки, грубые брезентовые штаны, валенки, прошитые кожей, за плечами вещевые мешки, перетянутые бечевой. Люди шли уверенно, не переговариваясь друг с другом. Время от времени первый из них останавливался, снимал ушанку с головы, прислушивался, оглядывался по сторонам, затем подносил к глазам бинокль, болтающийся на шее, внимательно всматривался вдаль, поправлял старенькую, выдавшую виды, двустволку на плече – и, кивнув второму, продолжал движение. Пускался в путь за ним и второй. Охотники шли по проторенной лыжне, видно было, что вперёд прошли несколько человек один за другим след в след. Они торили дорогу по снежной целине, те, кто шёл по их следам, двигались быстро и уверенно.

Просеку окаймляла с двух сторон вековая тайга. Видны были опушки леса с небольшими кустами и деревьями, дальше переходившими в непролазный бор.

Этих двоих гнала вперёд лютая ненависть и желание поскорее настичь тех, кто прошёл здесь первым.

Якуб Пацук родился среди бескрайних степей Украины в селе Сливяницы. Мать его умерла, когда он был ещё совсем маленьким. Жили Пацуки в небольшой, хорошо выбеленной хате, крытой соломой, на краю села.

Отец его Опанас был мужиком не злобливым, работал счетоводом в колхозной конторе и только иногда запивал горькую. Якубка уже знал – как только посылаются батькины неуверенные шаги по дороге и песня: «Ничь, ничь, мне не спится, чую, чую, молодьца, мац, мац, ей нэма, пидманула-пидвела», надо сразу же тикать через окно в кукурузу, а то не миновать лиха. По «синей лавочке» отец был невыносим. Мог придраться к чему попало и жестоко побить.

Сидя среди початков, Якуб прислушивался, как только отец переставал греметь посудой, натыкаясь на мебель, когда воздух сотрясал его переливчатый храп, можно было возвращаться домой. Наутро тот ничего не вспомнит. Иногда сын мстил отцу – когда тот засыпал пьяным мертвецким сном – хлопец подходил к нему и отхаживал кулаками, да пятками, а иногда и поленом, по бокам. Отец только охал во сне, но не просыпался.

Учиться Якуб не любил, в школу ходил с неохотой, но не учиться вовсе побаивался – вспоминались батькины пудовые кулаки. Да и дразнили его одноклассники – пацук, пацук – напоролся на сук...

От этого парень рос злобным и мстительным. Выбирая жертву – готовился подолгу и основательно, вынашивая план мести. Кого в лесу толкал в глубокую яму исподтишка, когда ребята ватагой ходили по грибы да по ягоды. А к кому-то подплывал на реке и хватал снизу за ноги, и топил, пока тот не начинал захлёбываться.

Чем дальше он рос, тем меньше с ним водили дружбу. Стал он немногословным и грубым. Но в пионеры всё-таки вступил – нравились ему костры по вечерам и песни у костра. А особенно нравилась комсорг школы Оксана Вербенко. Девушка была стройна и голубоглаза, русые волосы сплетены

в тугую косу, ниспадающую на плечи почти до самого пояса. Пела она лучше всех, красивый грудной голос выводил заунывные и протяжные украинские песни. И пусть была она на два года старше, но Якуб решил для себя через несколько лет, окончив школу, жениться на дивчине. Решил раз и навсегда.

Но была у него своя тайна, которую он не решался поведать никому. Вместе с мальчиком рос и мужал зверь. Зверь время от времени просыпался, выходил на белый свет, жмурился и зевал огромной пастью. Иногда он вилял хвостом, а порою шерсть его вставала дыбом, глаза сверкали, и он катался в бешенстве по земле и злобно скулил. Зверя надо было кормить. Тогда Якуб ловил на селе щенка или котёнка и уходил с ними в лес. Там он подолгу издевался над животными, колот шилом, вырезал на коже узоры, выкалывал глаза, отрезал лапы, а потом душил. После этого зверь ненадолго успокаивался. Он сворачивался клубком и спал, иногда потягиваясь.

Но однажды кто-то из мальчишек подсмотрел за ним и рассказал об этом на совете отряда. Встал вопрос о его исключении из пионеров. На помощь тогда пришла Оксана Вербенко – она взглянула ему в глаза, отчего тот потупил взгляд, и сказала:

– Исключать Пацука из пионеров мы не будем, да и правда ли это? Расскажем его батьку, а тот с ним сам поговорит. На том и порешили.

Отец тогда и вправду «поговорил» с ним так, что Якуб два дня не мог встать с кровати, болели бока и руки, и ноги, парня тошнило и рвало.

– Ещё раз услышу – прибью! Опозоришь на всё село, – бросил ему Опанас.

Когда Якубу шёл пятнадцатый год, в село пришли немцы. Располагались они по-хозяйски, всерьёз и надолго. В колхозной конторе, где раньше работал отец – теперь была военная комендатура. Все колхозные активисты были расстреляны или отправлены в концентрационные лагеря. Опанас Пацук избежал этого лишь потому, что в партии не состоял, и, так как хорошо знал всю округу – был назначен оккупационными властями местным старостой.

Якуб с завистью смотрел на батькину форму: чёрный костюм из дорогого сукна, кепка с козырьком и на рукаве по-

вязка со свастикой. А местный пасечник с поклоном подарил ему хорошие, почти новые юфтевые сапоги.

– Поважают батька, – отметил про себя Якуб, – важной птицей стал, не то, что при советах.

Лишь однажды хлопец в этом усомнился, когда увидел, как одна из селянок плюнула отцу вослед, когда он шёл своей шаркающей походкой на службу в комендатуру. Усомнился и записал её в свои личные враги – поквитаемся, как время придёт.

– Батька, возьми меня к себе на службу, – как-то попросил он.

Опанас оглядел сына с ног до головы, как-будто видел его впервые.

– А что, справишься?

– Справлюсь, – Якуб потупил взгляд. Откажет отец.

– Жалование хорошее, паёк опять же, форма, – как бы про себя бормотал Опанас, – завтра пойдёшь со мной в комендатуру, составлю тебе протекцию. Правильно решил, сынку, хватит у меня на шее сидеть, пора на ноги становиться. А новая власть она к порядку тебя приучит. Это тебе не большевики, немцы – люди культурные.

Проходя патрулём по улицам села, Якуб хрустел новыми кирзовыми сапогами, не то что у отца, но тоже ничего. Чёрная форма, карабин за плечом. Хозяин жизни.

Своё поступление на службу Якуб отпраздновал по-своему. Вечером он затащил в свой сарай Оксану, где долго бил и насиловал её. Издевательства продолжались почти до самого утра.

– Отпусти, Якубко, тошно мэни, – взмолилась девушка.

Зверь ликовал, он рвал зубами человеческую плоть и пил горячую кровь. Белые клыки стали красными, движения из резких и прерывистых превратились в плавные и неторопливые. Зверь был доволен.

– Будешь приходить ко мне каждый вечер, – глухо ответил он, – а не то сдам в комендатуру как активистку. Сама знаешь, что немцы с такими как ты делают.

Но на следующий день Оксана не пришла, наутро она повесилась в своей хате.

По службе Якуб Пацук продвигался быстро и успешно. За год принял участие в нескольких операциях по поимке

красноармейцев, бродивших по лесам, а также поиске большевицких активистов и жидов.

Местное население сдавало их за хорошее вознаграждение, а с теми, кто прятал или подкармливал их, разговор был коротким – к стенке или на дерево.

Зверь стал жирным и неповоротливым. Он лениво скалился, зевал пастью и вылизывал гладкую шерсть. Иногда засыпал, свернувшись клубком, и не беспокоил Якуба.

К этому времени Пацук достиг огромного мастерства в пытках и издевательствах. Он спокойно брал младенцев за ноги и разбивал им головы об край хаты, расстреливал и вешал, очень ему нравилось распиливать какую-нибудь жидовочку двуручной пилой, когда двое держали её за руки и за ноги. Горячая липкая кровь стекала с лавки на земляной пол, а лезвие послушно резала тело, а потом, с хрустом, и позвоночник. И каждой своей жертве Якуб вырезал ножом на лбу пятиконечную звезду. На вопрос: «Зачем, хлопче? Воны ж мертвяки!» отвечал: «А это, чтобы им в загробном мире не заблудиться. Нехай им светят кремлёвские звёзды».

Группенфюрер Штольц – наместник этих областей – был им очень доволен и даже обещал отправить его в краткосрочный отпуск в Берлин.

Так продолжалось около трёх лет. А когда советские войска пришли, освободив Украину от оккупанта, и немцы смазали пятки салом – подался с отцом к бандеровцам. Жили бандиты в лесах, иногда совершая вылазки, где нападали на военные и колхозные обозы – грабили, убивали, казнили. Но такая жизнь Якубу не очень нравилась, жили как звери в землянках, ели что придётся.

Всё закончилось быстро и неожиданно – банда Якуба попала в засаду СМЕРШевцев.

Отца и его подельников сразу же поставили к стенке, по закону военного времени.

Зверь Якуба скулил, припадал на передние лапы и тёрся о ноги хозяина. Он вилял хвостом и пытался заглянуть в глаза.

Якуб метался на коленях от бойца к бойцу.

– Дяденьки, не убивайте! Батька заставил, – он указывал грязным пальцем на ещё не остывшее тело, – по малолетству, да по глупости, дяденьки!

Он судорожно срывал с себя погоны и петлицы.

– Батька заставил, пожалейте, дяденьки, – колени его суконных штанов измазались в грязи.

– Товарищ капитан, – молодой солдат-водитель с пышными соломенными усами обращался к своему командиру, – может под арест его, а там разберутся? И вправду хлопчик молоденький ещё...

– Никого! Никого не убивал, – голос Якуба сорвался на визг, – батька заставил, за ним ходил...

– Может ты и прав, Золотарёв, – капитан устало поморщился, – сколько годов тебе?

– Семнадцать, семнадцать только намеренно исполнилось, – Якуб, хватаясь за спасительную соломинку, облизывал пересохшие губы, – Семнадцать...

– Вези его в штаб полка, пусть разбираются, вон обгадился со страху. Мальчишка совсем, – махнул рукой капитан.

Расстрела тогда Пацук избежал. По несовершеннолетию дали ему пятнадцать лет лагерей. Да и свидетелей его преступлений не нашлось, об этом он позаботился заранее – никого в живых не оставлял.

Двенадцать лет он валял лес в Сибири, а потом попал под амнистию.

Зверь тревожил его редко. А когда Якуба охватывали приступы ярости и злобы – вымещал всё на работе. Крушил топором вековые стволы деревьев так, что щепки летели в разные стороны. За это блатные прозвали его ударником, не знали, что только таким способом можно немного подкормить зверя, который грыз и жрал его изнутри. Лагерному начальству его рвение к работе пришлось по душе – видно было, что парень встал на путь исправления, и старается трудом искупить свою вину перед Родиной.

После окончания срока Якуб решил не возвращаться в Сливяницы, вдруг там остался кто-то, кто знает о его «геройствах» во время войны? Затеряться здесь, в сибирской глуши было проще.

Он остался работать на лесоповале в качестве вольноотпущенного. Заработки были неплохими, а в последний год лагерей ему ещё и пофартило – нашёл он тайник в лесу, спрятанный кем-то из лагерников. Мешочек с золотом – килограмма на два – песка и небольших самородков. Вре-

мя от времени он приходил к месту находки и наблюдал – не объявится ли хозяин тайника? Но тот, видно, сгинул в таёжной глуши без следа.

Надёжно перепрятав находку, Якуб решил работать ещё несколько лет, а потом найти надёжных людей, продать золото – не сразу, конечно, а небольшими частями – вырученных денег вполне хватит на безбедную жизнь.

Поселился Якуб недалеко от Вижая в посёлке лесозаготовителей или, как все его называли – 41 квартал. Жил в деревянном бараке, среди таких же вольноотпущенных, как и он сам. Заработанные деньги не откладывал, как все остальные (у него была своя заначка), а тратил на харч – питаться ему надо было хорошо. А в остальном кормила тайга – летом грибы, ягоды – в остальное время дичь и рыба. Своего оружия ему иметь не полагалось, но у местных вогулов-манси можно было взять ружьё напрокат, на время охоты. Расплачивались с ними частью добычи или сибирской валютой – бутылкой водки. С лагерным надзирателем он тоже наладил контакты, тот отпускал его на рыбалку или охоту на несколько дней совершенно свободно, за ту же плату – этого Якуб расположил незапятнанным поведением за все двенадцать лет отсидки.

Так он прожил ещё несколько лет. Угол в бараке, отгороженной от остальных рогожей, он делил со ссыльным прибалтом Пярном. То ли эстонцем, то ли литовцем. Как его зовут, каким образом и за что он сюда попал – не спрашивал, не принято это среди вольноотпущенных. Пярн был человеком замкнутым и неразговорчивым, к тому же по-русски разговаривал плохо с сильным прибалтийским акцентом. Слова из него, порой, клещами не вытянешь даже под градусом.

Шёл январь 1959 года.

К жизни своей Якуб привык и даже находил в ней свою прелесть, Это было лучше, чем лежать с простреленной головой в яме, как его отец Опанас.

Как-то под вечер Якуб лежал на своей шконке и отдыхал после дневной смены.

– Сего лесыс, – Пярн откинул рогожу и, дымя папирсой, заходил в закуток, – пойдём концерт послушаем. На мантолине икрают, люплю мантолину...

– Какой концерт? Дай отдохнуть...

– Ф клупше, стутенты в похот итут, у нас переносевать останновились, концерт показсывають...песплаттно, тенек не натто..

– В клубе? Ну, пойдём. Какое-никакое развлечение в нашей глуши, – Якуб поднимался с кровати.

– Ты ити, я тепя токконю...

Возле поселкового клуба толпился народ. Кто-то вышел покурить, другие, как и Якуб, только что пришли, да задержались у входа перекинуться парой фраз с товаркой.

Зал был набит битком, сидячих мест уже не было, и Якуб встал в проходе, прислонившись плечом к стене. Концерт и вправду выходил интересным – группа студентов царила на сцене, ребята читали стихи, показывали пантомиму, разыгрывали незамысловатые сценки, прерываемые взрывами смеха – видно было, что публике концерт пришёлся по вкусу. Только поднималось над залом облако папиросного дыма, было холодно – и зрители сидели на своих местах в верхней одежде. А когда один из туристов – высокий стройный черноволосый паренёк заиграл на мандолине знакомые мелодии – люди начали подпевать нестройными голосами.

Якуб разглядывал студентов: молодые ребята – всего десять человек – среди них две девушки. Одна худенькая светловолосая, другая брюнетка широкой кости – кровь с молоком. Комсомольцы – Якуб сплюнул на пол. Ребята весёлые розовощёкие, держатся на сцене уверенно – видно не впервой им вот так выступать перед зрителями.

На сцену вышел невысокий парень.

– Игорь Дятлов, – представился он, – студент четвёртого курса Уральского политехнического. Командир туристической группы, а попросту этих вот чертей, – он сделал жест рукой.

В зале засмеялись.

– Наш поход посвящён двадцать первому съезду коммунистической партии, который проходит в эти дни в столице нашей Родины. А теперь попрошу почтенную публику нам похлопать.

В зале раздались аплодисменты. Якуб ещё раз сплюнул и засобирался к выходу.

Но тут его что-то встревожило. Он оглянулся и начал ещё и ещё всматриваться в лица студентов. Что-то он упустил,

важное и нужное. Что-то знакомое мелькнуло на миг и снова пропало.

И тут его взгляд задержался на одном из туристов. Старше других, высокий, со спортивной фигурой, кареглазый и с чёрными усами. Где-то он уже видел это лицо. Где?

Якуб курил у входа в клуб. Руки его тряслись, всё тело ходило ходуном. Где? Где? Где он видел раньше этого черно-волосого?

Из клуба вышла светловолосая девушка – одна из комсомольцев. Якуб старался унять внутреннюю дрожь.

– Здравствуйте!

– Здравствуйте, – девушка улыбнулась.

– Спасибо вам за концерт, очень смешно и весело получилось...

– Вам спасибо за такой тёплый приём, вам понравилось?

– Очень! Железные ребята из УПИ, – пропел Якуб и рассмеялся.

Вслед за ним засмеялась и студентка.

Сердце Якуба бешено колотилось.

– Вас как зовут?

– Людмила...

– А меня Якуб. Работаю здесь...

Девушка кивнула.

– А вот тот, что постарше, вроде не похож на комсомольца. Учитель ваш?

– Тот, что с усиками? Ну что вы! – девушка вновь улыбнулась. – Это Семён Золотарёв, инструктор с турбазы. Прикреплён к нашему отряду, ему классность по спортивному туризму подтвердить надо, вот и включили его в состав.

– А когда в дорогу?

– Сегодня переночуем, а завтра переход до Второго Северного, там ещё одна ночёвка, а потом через Холатчахль и на сам Отортен.

– Ого! Трудный поход у вас, я эти места знаю...

– Трудный! Да только и мы калачи тёртые. У каждого из нас по три-четыре таких экспедиции. Бывало и потруднее...

– Ну, счастливого пути! – Якуб, развернувшись, уходил в сторону своего барака.

– Спасибо, – кинула вслед Людмила.

Золотарёв. Семён Золотарёв. Дяденьки, дяденьки, не убивайте! Батька заставил! Семён Золотарёв. Товарищ капитан, может и вправду пожалеть мальчика? Золотарёв. Может ты и прав, Золотарёв, вези его в штаб, там разберутся. Ишь, обгадился со страху. Вези его в штаб, Золотарёв. Может ты и прав, Золотарёв.

Постарел Золотарёв. Тогда в 44-ом был молодым солдатом-водителем с соломенными усами, а теперь взрослый дядька с усами чёрными. Это он доставлял его на «Виллисе» в контрразведку. Тогда в дороге Якуб боялся, что передумает солдат, остановит машину, выведет его в чисто поле и пустит пулю в лоб. Но Золотарёв тогда не передумал.

Всю ночь Якуб метался во сне. Он часто просыпался, пил холодную воду из ковшика. Ему снились кошмары. Зверь вырвался из клетки, в которую его посадили несколько лет назад. Зверь рвал и метал, он клацал зубами, рычал, сверкая глазами, а потом садился на задние лапы и, подняв вверх морду, протяжно выл. Зверь был голоден. Его надо было накормить.

Под утро Якуб, измученный кошмарами, сбрасывая с себя остатки бессонной ночи, сел на кровати и обхватил голову руками.

– Сто? Не спитса? Плохой сон? – на него, прищурившись, смотрел Пярн. Он лежал на своей койке на боку, повернувшись к Якубу.

Пацук кинулся на колени и зашептал в самое ухо.

– Пярн, миленький, помоги! Надо отомстить! Помоги! Век тебе благодарен буду!

– Отомстить? Кому? Комсомольсам?

– Есть среди них один, что постарше! Семён Золотарёв! В СМЕРШе служил! Он батька моего к стенке поставил в 44-ом! Жить не смогу, пока он кровью не умоется! Помоги только!

– Токда их всех натто, а не отнофо Золотаррёфа! У меня тоше к этой фласти свой шшёт имеется! Ты котоф?

– А и остальных туда же! Большевистское отродье! Всех в петлю! Пярн, у меня золотишко припрятано! Поделюсь с тобой пополам по-честному!

– И мноко у тебя?

– Чего?

– Солотишка!

– Килограмм точно, может больше! Хватит нам двоим на безбедную жизнь!

– Карашо! Только полофину саплатишь фперёт! Я фсё то вечера оптумаю, а к ночи фсё тепе скашу! Только уковор – фсё путешь телать, как скашу я!

– Согласен!

Ближе к вечеру Пярн рассказал Якубу составленный им план. Выйти на охоту надо завтра с утра. Студенты, хоть и имеют фору в один день, но идут по незнакомой местности – ощупывая дорогу. Вторую ночёвку они сделают во Втором северном посёлке. Нагнать их Пярн планировал в конце второго дня у подножья Отортена. Якуб должен взять на себя аренду охотничьего ружья у манси и отпроситься у начальника на охоту на 4-5 дней. Нападать на туристов планировали ночью, когда те расположатся на ночлег. Свалиться им на головы, прямо в палатке, ружьё не применять, огнестрел не нужен. Справиться решили прикладом ружья и ножами.

Наутро следующего дня двое на лыжах вышли из посёлка 41 квартала и направились в обратную сторону, к Вижаю. Затем, развернувшись и обогнув посёлок, отправились ко Второму Северному.

Лыжня, по которой шли комсомольцы, была хорошо видна.

Вольнопоселенцы двигались быстро и уверенно, нагоняя туристов. Вперёд их гнала ненависть. Ненависть и злоба, готовая выплеснуться наружу.

В середине дня Пярн, двигавшийся по маршруту первым, резко остановился и сделал упреждающий жест рукой. Они сошли с тропы и залегли невдалеке от неё. Навстречу им шёл одинокий путник.

Это был один из туристов, он возвращался назад, сильно хромая.

– Повезло тебе, парень, – прошептал Пярн, – вовремя твоя нога разболелась.

Якуб смотрел на Пярна, открыв рот. Куда девался его эстонский акцент? Тот говорил по-русски чисто. Почти литературным языком. Ай да Пярн! Да прибалт ли ты? А может хорошо законспирированный диверсант? Или шпион? За время, проведённое в лагерях, Якуб видел великое множество липовых шпионов – японских, немецких, американских. Но этот был, наверняка, настоящим.

– Что смотришь? – улыбнулся Пярн. – Рот закрой – кишки простудишь! Держись меня – не пропадёшь!

И он встал с лёжки, намереваясь продолжить путь.

Ещё через несколько часов они залегли во второй раз – навстречу им проехали сани, запряжённые старой клячей. Возница клевал носом на облучке, держа вожжи одной рукой.

Шли быстро, почти не отдыхая. Группу студентов нагнали утром второго дня. Туристы собрались в круг и что-то обустроивали на поляне.

– Вот они, голубчики, – Пярн поднёс к глазам бинокль.

– Чего это они?

– Лабаз делают. Оставляют лишние вещи. Остановятся на ночлег где-то на склоне Холатчахля, вон там, – Пярн показал рукой. – Они планируют через Холатчахль подняться на Отортен. Значит, за день не справятся. Судя по настрою, выйдут в районе двух часов, до вершины засветло не успеют. Как только разобьют палатку и уснут – наступит наше время. Подкрадёмся в темноте и передадим их там как котят.

Студенты закончили постройку лабаза и встали на лыжи. Их старший – Дятлов – махнул рукой, и вереница лыжников двинулась к Холатчахлю.

Пярн и Пацук остановились у подножия горы, спрятавшись в небольшом лесочке. Якуб, как раньше бывало на охоте, срезал ножом верхушки с десятка елей, устроил из них настил. Надо было дожждаться сумерек, не на снегу же сидеть. Группа туристов была хорошо видна на склоне даже без бинокля – они шли вереницей вверх по горе. Примерно в полутора километрах студенты остановились и, воткнув лыжи в снег, начали разбивать палатку.

– А что я тебе говорил? – Пярн весело смотрел на Якуба. – Теперь нам только дожждаться темноты.

Через пятнадцать-двадцать минут от палатки отделилась группа из четырёх человек и отправилась вниз по склону.

– Задача упрощается, – Пярн протягивал Якубу бинокль, – на, взгляни!

Якуб внимательно рассматривал туристов в оптику. Идут вниз по склону. Переобулись из лыжных ботинок в валенки. Трое парней и девушка – та самая Людмила. В руках топор и пила – за дровами значит. И самое главное – в бурках выше колен вниз вышагивал Золотарёв.

– Сам в руки идёт, собственной персоной, – Якуб зло сплюнул на снег.

Зверь затаился и приготовился к атаке.

На четверых студентов эти двое выскочили из густого кустарника. Те рубили дрова, весело переговариваясь и хохоча.

– Лежать! Всем лежать лицом вниз! – Пярн поднял ружьё наперевес.

– Вы что, ребята? – Люда ещё продолжала улыбаться.

– Я сказал всем лечь лицом вниз, – и Пярн выстрелил в воздух из одного ствола, – следующий выстрел в вас!

Пацук стоял рядом с ним, демонстрируя комсомольцам охотничий нож.

Студенты медленно опускались на снег.

– Тебе же я нужен, – Семён Золотарёв смотрел на Якуба, – не трогай ребят!

Пярн, подойдя к одному из четверки сзади, ударил распластанное тело прикладом ружья в затылок. Студент с разможенной головой дёрнулся и затих.

В это время Пацук, подскочив к Золотарёву, начал бить его ногами по рёбрам:

– Ты! Мне нужен ты! Краснопёрая гадина! – затем принялся прыгать на тело Семёна двумя ногами. – Мне нужен ты! Забыл, как батька моего к стенке ставил?

Кости ломались и трещали так, что было слышно, как рвутся ткани и лопаются вены.

Тут со снега поднялась Людмила и двинулась на Якуба.

– Звери! Фашисты! А я ведь тебя узнала! Это ты подходил ко мне возле клуба! Тебя всё равно поймают и расстреляют! Изверг!

Это же Оксана! Оксана восстала из мёртвых, чтобы кинуть ему в лицо обидные слова! Отправляйся назад, тварь! Якуб, с перекошенным от злобы лицом, подскочил к девушке и сбил её ударом кулака. Люда упала как подкошенная.

Тогда Пацук продолжил свой дьявольский танец на теле своей второй несчастной жертвы.

– Да! Это я! Комсомольское отродье! Я! Я! Я-а-а-а!

Когда девушка затихла, Якуб оглянулся – Пярн ударами приклада добивал четвертого студента.

– Что.... с ними....теперь....делать, – Пацук делал паузы, пытаясь отдышаться.

– Клади их сюда. Теперь никуда не убегут. Они нам ещё пригодятся...

– Зачем? – Якуб ошалело смотрел на подельника.

– Узнаешь...

– Не громко мы? Те на перевале не услышали, да ты ещё и стрелял...

– На перевале пурга. Тут хоть из пушки пали – не услышат...

Когда тела были уложены на настил из веток, Пацук устал присел рядом, снял шапку и принялся вытирать ею лицо – крупные капли пота катились на грудь и за шиворот.

– Что теперь?

– А теперь вот что. Видел на опушке большой кедр?

– Ну, видел...

– Скоро стемнеет. Их, – он указал на трупы, – будут искать. Разведём под кедром костёр, чтобы сами пришли к нам, как в капкан, а там и других также перебьём...

Когда костёр под кедром лизал своими языками морозный воздух, бандиты залегли с двух сторон и принялись терпеливо ждать свою добычу.

Пацук вырезал из толстой ветки увесистую дубинку, прорезал рукоятку, чтобы пальцы не соскочили в нужный момент и несколько раз ударил по стволу одного из деревьев. Пойдёт!

Через полчаса, когда уже совсем стемнело, с перевала послышались весёлые голоса.

– Саня! Коля! Люда-а-а! Вы где???

– Вот это номер! Мы их за дровами послали, а они у костра греются! – поддержала вторая девушка, та брюнетка, имени которой Якуб не знал.

Пятеро студентов подходили к костру, недоуменно оглядываясь по сторонам.

– А где же они?

Пока Пярн заходил сзади, Пацук, криво улыбаясь, шагнул из сумрака на свет костра навстречу студентам.

– Добрый вечер, краснопузые! Кого ищем?

– Вы кто? – вперёд вышел командир группы, невысокий Дятлов – его Якуб хорошо запомнил.

Сзади к студентам подскочил Пярн и прикладом ружья всех по очереди уложил на снег. Но студенты не собирались

сдаваться – трое парней проворно вскочив, встали в круг и принялись отбиваться. Якуб поспешил на помощь, ударами дубинки он опрокинул двоих из них обратно на снег. Один из туристов попытался выхватить нож, но ударом дубины бандит выбил его из руки и тот отлетел в сторону.

– Всем лежать лицом вниз. Руки за голову, – и Пярн выстрелил вверх из второго ствола.

– Вы что, очумели? Что вам надо? – студенты медленно опускались на снег. – Что мы вам сделали?

– Так значит, ваш поход посвящён съезду вашей партии? – Пацук присел на корточки.

– Почему нашей? И вашей тоже.

– Наша партия вся здесь, – Пацук показал пальцем на себя и своего подельника, – у нас здесь свои правила: закон – тайга, а прокурор – медведь...

– Ребята, ну что вы в самом деле? – подала голос девушка. – Прекращайте ваши шуточки...

– А кто с тобой шутит, девочка? – подал голос Пярн. – Всем снять верхнюю одежду и валенки! Ну!

Студенты медленно принялись раздеваться. Они были подавлены и ошарашены. С такой звериной ненавистью и агрессией, да ещё и от совершенно незнакомых им людей, им сталкиваться до этого не приходилось. Когда одежда и обувь были сняты – Пярн ногами отбросил всё к кедру.

– И подальше от огня, комсомольцы...

Ребята сгрудились в круг и сидели спина к спине, иногда кидая взгляды на бандитов. Пярн, тем временем, перезарядил оба ствола и присел на корточки напротив студентов, направив ружьё на них.

Через полчаса на тридцатиградусном морозе раздетые туристы начали замерзать. Они еле-еле двигали руками и ногами.

– Эй, не переговариваться, – крикнул им Пярн.

Но двое из них вскочили на ноги и двинулись на бандитов.

– Ребята, бегите к палатке, мы их задержим!

Двое парней и девушка поднялись и, развернувшись, побежали к палатке. Пацук кинулся, было, за ними, но Пярн остановил его.

– Стой! Эти никуда не денутся! Давай этих двоих уработаем!

Пацук послушно остановился и вернулся к костру. Минут десять они били двоих парней, пока те не перестали сопротивляться.

– А теперь, – Пярн направил на них ствол, – полезайте на кедр, видите, костёр погас совсем – будете ломать ветки и сбрасывать вниз.

Парни, передвигая непослушными от стужи ногами и руками, почти босиком, встали со снега и направились к кедру.

– А ты догони тех, что на склоне, – Пярн кивнул Пацуку.

Якуб взял в руки дубинку и нож, надел на ноги широкие лыжи и проворно двинулся вверх по склону горы.

Первым он нагнал Дятлова, тот пытался сопротивляться, но члены его совсем окоченели – он даже схватился за лезвие ножа, пытаясь отвести его в сторону. Якуб выдернул финку из его руки, оставив глубокий порез на ладони. Два удара дубинкой, и Дятлов остался неподвижен, схватившись рукой за небольшую берёзку, выросшую на склоне.

Метрах в двухстах от первого Пацук нагнал второго парня. С ним церемониться он не стал – размозжил ему голову, ударом дубинки в висок и отправился вверх по горе. Его интересовала девушка.

Её он увидел минут через пять. Увидел и подивился – Смотри-ка, выше всех забралась – метров сто до палатки не доползла. Девушка передвигалась еле-еле. Она вставала и падала, но вновь вставала и медленно направлялась вверх по склону.

– А что, красавица, не побаловаться ли нам с тобой напоследок. А? – Пацук присел на корточки и взял её подбородок рукой, приблизив к ней своё лицо.

Девушка попыталась плюнуть ему в глаза, но слюна прилёзла к губам. Окоченевшие пальцы её левой руки сложились в фигу.

– Не хочешь как хочешь, – и бандит два раза сильно ударил её в грудь дубинкой. Девушка дёрнулась и затихла. Она смотрела на него широко открытыми глазами, которые подёрнулись поволокой. Затем, не удержавшись, он вытащил нож и вырезал у неё на лбу пятиконечную звезду. – Чтоб в загробном мире не заблудиться, пусть она тебе светит, – прошептал он. И отвернувшись, отправился вниз по склону.

Когда он спустился к кедру – один студент уже лежал мёртвым у его корней. Видно было, что он, совсем окоченев, просто упал сверху вниз. Глаза его были открыты, на губах выступила пена.

– А ну слезай! Как там тебя! Слезай, говорю, – Пярн обращался ко второму парню, но тот отрицательно мотая головой, сидел высоко на ветке, ухватившись руками за ствол. – Ну, сейчас я тебя выкурю!

Под кедром валялось много сломанных веток – видимо у студентов получилось обломить их и кинуть вниз.

Пярн подобрал одну из них длиннее остальных, запалив о костёр, и, подняв её вверх, принялся жечь левую ногу студента, которая свесилась с ветки – от ступни до голени. Сначала парень не чувствовал жара, от окоченения, но когда в воздухе запахло палёным мясом – попытался отдёргнуть её вверх, но не удержавшись, рухнул вниз с трёхметровой высоты – дёрнулся в конвульсиях и затих.

– А теперь слушай сюда! – Пярн в упор смотрел на Якуба. – Сейчас мы завершим начатое. Пустим следствие по ложному следу: ты возьмёшь верхнюю одежду этих, – он махнул рукой, – и тех, что на склоне – и отнесёшь всё это в палатку, не забудь прихватить туда же пилы и топоры, – он ножом срезал с двух трупов свитера и штаны. – Там в палатке ты разбросаешь их вещи так, чтобы решили, что ночлег они покидали в спешке и раздетые. Изнутри палатки сделаешь ножом разрезы, только изнутри, сам вылезешь в проём и спустишься вниз. В палатке ничего не брать, а я тем временем перепутаю одежду этих и тех, что на настиле. И сброшу их в ручей, глубина там большая, да ещё за время, пока их не хватятся – снегом занесёт. Здесь в распадке пурга ещё три месяца будет кружить. До весны их не обнаружат. А если найдут этих, и не найдут тех – будут думать, что сами друг дружку порешили. Краснопёрым самое главное – дело быстрее закрыть. Я-то знаю! Всё понял?

– Понял! Подожди...

Пацук направился к настилу, снял шапочку с Людмилы и надел на Семёна. – Вот так, Золотарёв, женская одежда тебе больше идёт...

– Послушай, Пярн, где ты всему этому научился?

– В спецшколе Абвера! Старый лис Хорн был отличным наставником...

– А как же тебя в контрразведке не шлёпнули?

– Я сам к ним пришёл. Немного не повезло – во время выброски в тыл к советам парашют приземлился на дерево – сломал ногу. Для своих я стал обузой и по инструкции меня надо было добить. Доковылял до первой воинской части и сдался. Сам сдался и сдал всю свою группу. Другого выхода у меня не было. За это получил свою пятнашку и поехал лес валить...

– А почему ты мне сейчас всё это рассказал?

– Мы с тобой теперь друг без друга никуда – кровью повязаны. Ну, хватит лясы точить – делай, как я сказал и до завтрашнего вечера мы должны вернуться обратно, пока нас не хватились...

Назад шли быстро на адреналине, почти не отдыхая.

Зверь, наевшись горячей плоти и напившись крови, громко рыгал и зевал огромной страшной пастью, а потом свернулся калачиком и заснул.

Пацук всю дорогу, глядя в спину Пярну, думал – как бы его убрать по-тихому и не отдавать обещанного золота.

Пярн остановился. Опершись руками на лыжные палки, обернулся к Якубу.

– Может ты думаешь меня вокруг пальца обвести, а, Крыса? Ты об этом не думай, а то я тебя сам в два счёта ухлопаю, понял?

– Что ты, что ты, Пярн! Ты же мне помог! Расплачусь, как положено...

– Ну, тогда прибавим ходу... Чего улыбаешься?

– Да там – в палатке у них газета висела, боевой листок «Вечерний Отортен» с рисунками всякими...

– Вот они и остались там, на вечернем Отортене. Все. Рядком...

До посёлка они добрались часам к десяти следующего утра. А так как добычи с охоты не принесли – Пацук расплатился с манси и надзирателем бутылкой водки.

Отсутствия их никто не заметил, здесь подобные отлучки были обычным делом – существовать как-то надо. Посёлок жил своей обычной жизнью. Вернулись к своим делам и Пацук с Пярном.

Якуб торжествовал. Он страшно отомстил советской власти, отомстил за годы унижений и лишений. И когда! В дни

съезда партии! Да это будет иметь шумный успех! А ещё умыл кровью краснопёрого СМЕРШевца, да с ним рядом восьмерых положил – плоть от плоти этой самой власти. Студентов, будущих инженеров, которые могли принять участие в построении страны, страны красных флагов и пустых лозунгов.

Торжествовал и зверь. Он резвился, высоко подпрыгивая, вилял хвостом и вылизывал шерсть, а потом мирно засыпал. Зверь был сыт.

Но через два дня Пацук начал испытывать некое волнение. В чём дело – он понять не мог. Что-то тревожило его, и он вновь потерял сон и аппетит.

Об этом никто не узнает! Никто не узнает о его победе над всей этой красной машиной. Надо что-то придумать. Дерзкое и бьющее в цель. И придумал. Он решил подкинуть анонимку в милицию или лучше в КГБ. Пусть волнуются и шарят по всему северному Уралу, а он будет за ними наблюдать и посмеиваться. Пусть нервничают, не спят ночами, задействуют в поиск вертолёты и тягачи. Это будет его вторым ударом по власти.

Так как ранее писем он никому не писал, не было у него ни бумаги, ни конверта. Но один листок он вырвал из тетради школьницы, проживающей в его же бараке, а конверт без марки купил в сельпо.

Затем написал карандашом на листке: «Поздравляю с 21 съездом партии. Мой подарок найдёте в тайге – 9 трупов студентов из Свердловска. Жрите, краснопёрые, и подавитесь».

Затем нацарапал на конверте адрес: «г. Ивдель, в отдел КГБ» и бросил письмо в почтовый ящик. После чего сон и аппетит вернулись.

Когда начальник отделения КГБ Ивделя капитан Ляпин просматривал почту и наткнулся на мятый конверт, то сначала отложил его в сторону и занялся более важной, на его взгляд, корреспонденцией. Но прочитав анонимку, волосы на его голове встали дыбом, а по телу начали бегать неприятные мураши.

Служил он в этих краях давно и всякого повидал, но такого припомнить не смог. Если это пьяная шутка или бред сумасшедшего – это одно дело. А если правда?

Тут же о содержании анонимки он оповестил по секретной связи своё областное начальство в Свердловске. Через

полчаса указания были получены: по факту получения информации завести уголовное дело, шума до выяснения обстоятельств не поднимать, искать отправителя анонимки. И найти.

Получив инструкции, он уже крутил диск чёрного массивного телефона...

Через полчаса к нему в кабинет торопливо заходил прокурор Ивделя Василий Темпалов.

– Что стряслось, Фёдор Ильич?

– Читай, – Ляпин протянул ему анонимку.

Темпалов, закончив читать, наморщил лоб.

– И ты веришь в этот бред? Фёдор Ильич!

– Василий Иванович, будет просто замечательно, если это окажется бредом. А если нет?

– Да бред. Ахинея полная. Сейчас тот, кто написал, сидит и посмеивается над нами.

– Значит так, пока он не сидит, но я ему это организую. Василий Иванович, я узнавал: из Вижая в конце января выдвинулись две группы туристов. Одна отправилась на Ауспию, другая куда-то западнее. Маршрутных листов, естественно, никому не оставили. Ищи их сейчас по всей тайге. Первая группа должна вернуться обратно 12 февраля, вторая 15-го. Действовать будем так: по факту этой анонимки вынесешь постановление о возбуждении уголовного дела. Только с соблюдением, как ты понимаешь, строгой секретности. Секретарше не поручай, напечатай постановление сам. Если это бред, вместе потом посмеёмся. А если правда – это не просто преступление, а вызов всей нашей народной власти, да ещё во время съезда партии. Это акт политического террора. Понимаешь?

– Понимаю, Фёдор Ильич! – посерьёзней Темпалов. – Всё сделаю, как положено.

– Давай, держи это на личном контроле, – и Ляпин крепко пожал прокурору руку.

Тот вернулся в здание Прокуратуры, зашёл в свой кабинет, снял верхнюю одежду, сел за печатную машинку и за пять минут набил на ней постановление о возбуждении уголовного дела. Затем достал из ящика стола картонную папку и написал на ней: «Дело заведено 6 февраля 1959 года».

Родители студентов забили тревогу 18 февраля. К этому времени они должны были уже несколько дней как вернуться в Свердловск. Даже с запасом. На связь они не выходили, по всему было видно – с ребятами что-то случилось.

Со слов одного из участников группы Дятлова Юрия Юдина, сошедшего с маршрута из-за простуды, туристы должны были вернуться в Ивдель с 12 по 15 февраля и послать оттуда телеграмму об успешном окончании экспедиции в туристический клуб УПИ.

Сразу же были организованы поисковые группы, задействована авиация. Студенты политеха своими силами тоже сформировали несколько отрядов для поиска.

28 февраля у подножия Холатчахля под кедром были обнаружены первые два тела Юрия Дорошенко и Георгия Кривонищенко.

Ещё через несколько дней на склоне горы найдены трупы Игоря Дятлова и Рустема Слободина, Зину Колмогорову обнаружила служебная собака.

Искали остальных участников группы. Живыми или мёртвыми.

Капитан ивдельского отдела КГБ, уже было забывший о треклятой анонимке, потерял сон и покой. Дело это взял на свой личный контроль первый секретарь Свердловского обкома КПСС, из Москвы в Ивдель летела группа сотрудников КГБ СССР для помощи в раскрытии преступления, а ЦК партии курировало следствие по линии партийного контроля.

Прибывший из Москвы майор КГБ Разин собрал присутствующих в кабинете начальника Ивдельского КГБ:

– Обстоятельства этого происшествия мне, в общих чертах, известны. Отреагировали на информацию, полученную 6 февраля сего года верно. Но сделали мало, почему до сих пор не найдет отправитель анонимки?

– Работаем без выходных, товарищ майор, – Ляпин привстал со стула, голова его шла кругом, – задействованы все сотрудники. Работают с агентурой СевУраллага. Личный состав всех исправительных учреждений поставлен в известность и тоже привлечён к работе.

– Плохо! Плохо работаете, товарищ капитан, – майор прикуривал папиросу, выбив её щелчком из пачки, – что прокуратура?

– Отделение у нас не большое, всего четыре человека, товарищ майор, – в свою очередь поднялся Темпалов, – но тоже задействованы все. Прокурор Иванов находится на месте поиска.

– Значит так, – отрезал Разин, – мы имеем дело с политическим террором. Это преступление против всех нас – вас – он указал пальцем на Ляпина, – вас – тем же пальцем на Темпалова, – и лично меня, – его палец упёрся в грудь. – Это наши с вами личные враги. Найти и покарать их для нас дело чести. Надеюсь это понятно? Теперь вы – товарищ Темпалов, у вас там Иванов на месте работает? Завести уголовное дело по факту смерти ребят...

– Так, вроде, заведено уже, товарищ майор...

– Завести ещё одно, для общественности. Основное дело по линии КГБ СССР будем вести мы с вами. Работать будем в режиме строгой секретности – преступления такого масштаба могут иметь широкий общественный резонанс. Да и ещё чемпионат мира этот по конькам, некстати, как некстати! В Свердловск съехались спортсмены не только из соцлагеря, но и из капстран, – майор поморщился, – преступления против нашего народа должны искоренять мы с вами, врагов советской власти карать будем жёстко и беспощадно. И ещё, как ты говорил, капитан, фамилия эксперта этого...

– Возрожденный, товарищ майор, из вольнопоселенцев, – подсказал Ляпин.

– Да, товарищ Темпалов, для вскрытия тел погибших привлечь эксперта Возрожденного, напишет в актах так, как мы скажем, а чего фиксировать не надо – не напишет. Мне доложили, что на лбу Зинаиды Колмогоровой вырезана звезда – этого в акте вскрытия отражать не надо. Вам ясно?

– Ясно, товарищ майор, я могу идти? – прокурор поднялся.

– Работайте...

В кабинет Ляпина постучали.

– Разрешите, товарищ капитан?

Капитан поднял на вошедшего припухшие от бессонных ночей глаза.

– Да. Пожалуйста!

На пороге стоял розовощёкий майор с документами подмышкой.

– Начальник оперотдела ИК-55, майор Глинский, – он смело подошёл к рабочему столу и пожал протянутую ему руку, – здесь личные дела вольноотпущенных, которым были разрешены краткосрочные отлучки из мест поселения в указанные сроки и рапорта моих сотрудников о каждом из них, – и он положил на стол стопку увесистых дел.

– Спасибо, товарищ майор.

Ляпин уже три часа просматривал страницы документов, от букв у него уже начало рябить в глазах. И тут в одной из анкет он увидел знакомый почерк – буква К с хвостиком, похожая на петлю, и характерное написание буквы О – везде она получалась выше других в строке – анонимка до сих пор стояла у него перед глазами. Он видел её тысячи раз и запомнил на всю жизнь. Капитан закрыл папку: личное дело осужденного Пацука Якуба Опанасовича... так... я служил в полиции села Сливяницы... так-так... в апреле 1944 года был задержан контрразведкой СМЕРШ под Бродами...

Пацука и Пярна взяли очень быстро и без шума. Задержали их поодиночке, когда они занимались своими делами после работы. Прямо на улице – подъехал чёрный воронок и арестованных под руки посадили в салон и увезли. Никто ничего и не заметил, посёлок продолжал жить своей жизнью.

Сидя в одиночной камере, Якуб пока не мог понять – за что его взяли: за золото или студентов? Как арестовали Пярна (и арестовали ли вообще) он не видел, на допрос его пока не вызывали. Так или иначе, выработать линию поведения надо уже сейчас. Как себя вести? По крайней мере, пока ему фартило, несколько раз он выходил сухим из воды. Надеяться – повезёт и сейчас.

Громыкнул стальной засов. Дверь со скрипом отворилась, на пороге стоял сержант в фуражке с васильковым околышем и такими же петличками.

– Задержанный, на выход. Руки назад, лицом к стене... – на запястьях Якуба защёлкнулись браслеты.

Следователь курил и смотрел Якубу в глаза. Курил и молчал. Курил и смотрел.

– Гражданин начальник, – Пацук отвёл взгляд и поёжился, – за что взяли то?

– А это я у тебя хочу спросить...

Задержанный пожал плечами.

– Я вот думаю, – голос у следователя был глухим и сильным, – кто из вас паровозом пойдёт, а кто прицепом! Ты или Пярн?

– Пярн, – быстро проговорил Пацук, – это всё Пярн! Он заставил! Он вообще никакой не эстонец, а диверсант...

Следователь положил перед ним несколько листков и карандаш.

– Пиши чистуху...

Вертолёт громко шумел винтами. Пацуку, в наручниках, было очень неудобно сидеть на узкой деревянной лавке. Он то и дело сползал с неё, но потом, отталкиваясь от стального пола ногами, усаживался вновь. По бокам от него сидели двое в штатском. Напротив капитан госбезопасности. На него они не смотрели, уставились в пол.

Летели около двух часов.

Машина начала снижаться, повернулась правым боком, затем левым – коснулась земли, подняв облако из снежной крошки.

Капитан кивнул головой: На выход...

Якуб проворно вскочил со скамьи.

Они стояли на опушке леса.

– Вот здесь, под снегом должен быть настил из еловых веток, а вон туда, – Пацук двинулся к оврагу, – были сброшены тела четырёх комсомольцев. Да, вот тут! Тогда снега меньше было, а внизу ручей, он не замёрз, так и бежал. Убивали мы их на этом месте, вернее убивал Пярн, а меня заставил. А тех, что на склоне, добил я, Пярн наставил на меня ружьё и приказал это сделать. Я не хотел, Пярн заставил. Когда я вернулся со склона, двое под кедром были уже мертвы.

Капитан подошёл к оврагу:

– Здесь?

– Нет, метра три вперёд. Да, вот здесь, а настил вот тут.

– Уведите, – капитан кивнул двоим штатским.

Через час он, обивая ноги от снега, зашёл по трапу в вертолёт, ничего не сказал, а только кивнул штатским.

– Заводи, – крикнул он лётчику, – в Ивдель...

Ляпин стоял навтыяжку перед московским майором.

– Присаживайся, капитан. В ногах правды нет, – Разин сидел за рабочим столом, – докладывай...

– Задержанным Пацуком были точно указаны места нахождения трупов Семёна Золотарёва, Александра Колеватова, Людмилы Дубининой и Николая Тибо-Бриньоля, – он положил перед Разиным листок бумаги с расчерченной на ней схемой, – а также он верно указал расположение настила из веток – бандитской лёжки. Тела были сброшены в овраг примерно в семидесяти – семидесяти пяти метрах от большого кедра, где были найдены первые двое студентов. Ребята находились под слоем снега в четыре – четыре с половиной метра. Поэтому ранее поисковики их не нашли, хотя прочёсывали это место не единожды. Щупы имеют длину в два метра. На основании вышеизложенного, готов предположить, что убийство студентов совершили эти двое, задержанные нами Якуб Пацук и Атанас Пярн. Алиби всех остальных лиц, проживающих на вольном поселении и отлучавшихся из посёлка в указанные даты, нами проверены. Считаю, что Пацук и Пярн полностью изобличены и подлежат суду.

– Понял тебя, капитан, только суд будет в Москве и Верховный.

И Разин захлопнул папку.

Через два дня Пацука и Пярна самолётом привезли в Москву. Здесь состоялась Коллегия Верховного суда. Он был закрытым – в зале находилась лишь судейская коллегия, адвокат, прокурор и двое подсудимых.

Причём адвокат вёл себя вяло и неинициативно. Якуб хотел, было, крикнуть ему: «Почему ты не защищаешь меня! Я и Зверь хотим жить!». Но встретился с ним взглядом и осёкся.

Зверя с Якубом не было. Как только на его руках защёлкнулись браслеты, тот поджал хвост и спрятался.

В первый день зачитывали материалы дела, на второй уже обвинительный приговор.

На допросах перед судом и далее на очной ставке Якуб всё валил на Пярна. Практически всё тот придумал и осуществил сам, его он запугал, застрашал и заставил. При этом угрожал расправой. Пярн ни на следствии, ни на суде не произнёс ни единого слова, только сидел с закрытыми глазами и покачивался из стороны в сторону. Поэтому Пацук надеялся на снисхождение и, пусть большой, но срок.

– Подсудимый Пацук, вам предоставляется последнее слово.

Якуб встал. Голос его дрожал.

– Граждане судьи! Из материалов дела вам понятно, что я находился орудием, преступным орудием в руках этого человека, – он показал пальцем на Пярна, отчего тот улыбнулся краешками губ, при этом сидел, как обычно, с закрытыми глазами, – предателя, шпиона и диверсанта, я готов любым, самым тяжёлым трудом искупить свои преступления перед народом, перед советской властью. О содеянном я сожалею и искренне раскаиваюсь, – он попытался придать голосу нотки мольбы, – пожалуйста, не лишайте меня жизни...

Пярн от последнего слова отказался.

Председатель суда поднялся:

– Именем Союза Советских Социалистических республик...

Якубу показалось, что в воздухе запахло озоном, как перед грозой.

... и приговорить Пярна Атанаса Яновича, к высшей мере наказания через расстрел...

В тишине зала грянул гром.

...Пацука Якуба Опанасовича, к высшей мере наказания через расстрел...

Сверкнула молния.

– Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Зверь выскочил из укрытия. Он катался по земле, глаза горели адским пламенем, как угольки. Зверь блевал кровью и желчью, скулил, широко разевая пасть. Затем дёрнулся, по его телу прошла крупная дрожь, он повернулся на бок и затих.

Родственники погибших студентов были приглашены в Свердловское областное управление КГБ СССР, где их ознакомили с материалами дела и постановлением Верховного суда СССР. После чего перед ними выступил начальник управления – старый седой генерал:

– Товарищи, я разделяю ваше горе и глубоко вам сочувствую. Жизнь ваших близких оборвалась рано, очень рано. Понимаю, что они могли многим быть полезными своему народу, своей стране. К сожалению, есть ещё подонки и отщепенцы в нашем обществе, это пособники врага и отрыжка

империализма. Они подняли руку на самое святое, что у нас есть – на нашу советскую власть. Власть народную и самую справедливую в истории человечества. Наши органы госбезопасности провели качественную и, не скрою от вас, титаническую работу, так как основное дело велось по нашей линии. Преступники были задержаны, изобличены и дали признательные показания. А коллегия Верховного суда СССР приговорила их к высшей мере наказания, и приговор уже приведён в исполнение. Как вы понимаете, товарищи, дело это пока рано придавать огласке, этим могут воспользоваться наши враги – в мире сейчас не спокойно. Прокурору Ивдею Иванову дано указание о прекращении уголовного дела, общественности незачем знать истинную картину произошедшего. Поэтому я попрошу всех дать подписку о неразглашении того, что вы сегодня услышали... Придёт время и люди узнают о трагических событиях, произошедших с вашими близкими на самом деле...

По улицам Свердловска спешили по своим делам люди, трезвонили трамваи, мальчишки играли в футбол, жизнь брала своё.

В эту самую минуту над вечерним Отортенем шёл пушистый снег, он падал большими хлопьями, покрывая землю – природа как будто хотела смыть с себя следы страшного преступления и очиститься от человеческой скверны.

А Отортен склонил голову, поминая девятерых советских ребят – непосед, романтиков и мечтателей. За свои двадцать с небольшим они прошли много дорог, но погибли на взлёте, так и не успев выйти на самую главную, широкую и долгую свою дорогу под названием – жизнь. Он тогда ещё не знал, что отныне и навеки имя ему – Перевал Дятлова.